

О камне и времени

Максим Голда

Максим Голда

О камне и времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70240036

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда-то давно люди для собственного удобства дали исчисление всему, что можно было сосчитать. С тех пор знания преумножались, затверживались, и теперь каждый сколько-нибудь образованный человек запросто может представить себе, что окружающая бытность совершенно невозможна без точного счёта, как и без многого другого...

Максим Голда

О камне и времени

Когда-то давно люди для собственного удобства дали исчисление всему, что можно было сосчитать. С тех пор знания преумножались, затверживались, и теперь каждый сколько-нибудь образованный человек запросто может представить себе, что окружающая бытность совершенно невозможна без точного счёта, как и без многого другого...

Но для мира недоступного наукам, мира иного, эфирного, существовали свои законы и правила. Время было одним из вольных духов, являющимся братской силой всего тварного и нетварного.

И так дух времени живёт очень и очень долго, возможно, дольше, чем само понимание жизни. С тех пор Время путешествовало по свету, встречая новые явления и заводя себе спутников, главным образом таких, которые помогали бы странствовать между измерениями.

Ещё в допотопную пору дух застал и зарождение нашей планеты, но столько неинтересным ему представился первичный образ всего, что попросту продолжил путь, пока другие трудились над созданием нового мира.

Трудились огонь и вода, большие и малые силы: от лепестка до яркой звезды, и жизнью наполнился мир...

А после случилось: как будто извне, как шёпот, Время

кто-то позвал. Оно спустилось туда, где ждали его. Дух гостем стал частым, зная, что в почёте теперь. И другом для него был Ветер, помощником близким. Как-то раз, свершая цикл, Время снова ступило на Землю.

Вот синева, окутавшая пеленою высь и даль. Вот и заря всходила с краю одного, а на другом ложилась, цветами ма-ка насыщая луч, кому приветственный, кому прощальный. Вот полюса, во льды сковавшие себя и вечным холодом поивших тишину. Одну лишь безмятежность прерывала жизнь, что здесь вокруг, свирепствуя, кипела.

Дух остановился у вершины горы, степенно всматриваясь в то, что было скрыто за воронкой. Вдруг где-то послышалось рядом: «Фью! Фью! Фью-ю!»

– Ты ли это, Ветерок?

– Да, Время, это я, – изредка завывая, говорил Ветер.

– Мы не виделись долго с тобой.

– Не вспомнить даже и когда. А потому спешил, как я узнал, что ты вернулся!

– Совсем не нужно торопиться, ведь опоздать всему когда-то суждено.

– Верно, тебя дорога утомила?

– Быть может, так. Взгляни теперь, ты видишь? – и Время указало на место, где жидкая масса то вдыхала пламя, то выдыхала огненную струю.

– О! Неужели мы на одной из тех величественных гор?

– По жилам этого вулкана предания текут от Иоанна... А

впрочем, до этого мне что? Здесь жизнь и сила, одна другую пробуждает или в забвении стоит. Есть у людей похожее сравнение, так нарекли они «любовь». Пойдём же дальше.

Отправились друзья смотреть иные земли. А прежде на пути саванны и пустыни.

– О Время, погоди.

– Ну что ж...

– Люблю я вволю разгуляться, паря, как птица, над простором! – кружился ветер, вздымая бусины песка. – Не чудо ли, смотри!

– Я рад...

– Нет-нет, сюда.

Живая влага, которой мало было тут, всех алчущих влекла к себе от зноя. Вблизи у водопоя сошлись и лев, и антилопа.

– Ах, это, – сказала Время. – Нужда – прекрасный повод, – и в заключение добавив: – Но помни: при честном свете дня ты сыщешь здесь обман, когда же ночь – чиста и откровенна. И так всё глубже на восток идя, ты эту истину познать вполне сумеешь.

Ветерку всё больше не нравилось антипатичное настроение Времени, поэтому частота, с которой он кружился, возрастала по мере их разговора.

– Не позабыло ты, что мир, возвращённый нами – дар, что жизнь – природа наша?! – возмутился Ветерок. – Когда ж ты отомрёшь от вечности своей?

– Мы с вечностью, увы, нерасторжимы.

– Пусть истин много, мудрость – твой оплот, но что с тобою стало?

– Вете...

– Но нет! Таким тебя ещё не видел я.

– Ветерок, какой по счёту это круг?

– Прости, не помнишь разве ты: считать я не умею... – одумался он сразу.

– Пойдём куда-нибудь ещё, а то опять ты учинишь вдруг бедствие какое, – спокойно Время попросило.

Стремглав понёсся Ветерок, едва ли время поспевало. За ними след небесный оставался – то дождевая полоса, то далее – морозная пыльца. Внизу, как золотыми нитями, мерцали города под куполом ночным. В одно мгновение, внезапно, уже к земле стремился Ветерок.

– Что ты затеял? – спросило Время.

– Увидишь скоро.

Был полный свет луны, как бы от бронзового диска. Таковой, чтобы в кромешной тьме понять, какая жизнь творится тут, не стоило труда. Где птицы трели сочиняли, где бег ручьёв струился верно, кто крадучись знать о себе давал – всё было можно распознать и внутренне, и внешне.

– Как ты сказало прежде: здесь жизнь и сила.

– Да, но слышишь ли ты что-то больше, чем просто звук?

– И этого хватает.

– Нет.

Тогда Время обратилось к цветам, прораставшим на пышном лугу: «Поведайте мне то, о чём не ведаёт никто...»

В ответ из сумерек тянулись хором разноголосые мотивы: «Зачем цветы, которые увяли, напрасно радовали вас? Зачем благоуханием своим мы напоили этот свет, зачем? Уж лучше б скромный свой букет вы собирали из надежд и обещаний; когда мгновения не стоят ничего – цветы зачем?..»

– Услышал ли ты, наконец?

– На то они цветы, чтоб жить мгновением одним. Для счастья большего они просты, и оттого их песнь скудна.

– Какой бы цели не было для счастья и средств каких не применил бы ты, всё ж не поймёшь, к чему стремился, само же счастье упустив.

– И что с того?

Дух времени раззадорился, и тем веселее ему становилось. Он показал Ветерку, как в оные дни жизнь только набирала силу. Как человек, окружённый опасностью, не утратил свет, как у судьбы он случай выгрызал, чтобы время – ещё недоступное ему – как можно дольше продлевалось путь. «Кто след свой хочет проложить, тот времени ничуть не уступит» – чем объяснялся дух в своём разочаровании, но к прежнему вернулся:

– Что до Поэзии, когда, подобно им, всё чахнет? У дуба старого спроси, у той звезды, что пламенем объята, спроси у тех, что в вечности молчат, но жизнь имеют.

– У камня бы ещё спросил.

– Вот и спрошу.

– Прости, своих полно забот. Уж мне пора.

– Как знаешь.

– И всё же, Время, раньше было ты другим.

– Я где-то слышало уже. Прощай и ты.

Исчез как будто Ветерок, едва о нём напоминал на ветке лист дрожащий.

На запад Время шло. С самим собою говоря, оно искало истины другие. «Пусть тайна этих мест ясна, однако помню я: здесь золото омыто кровью, а идолы языческих богов подобны тварям, обитавшим тут...»

До неизведанных глубин касалось Время, но человеческой души постигнуть не могло. У берегов бескрайних в раздумье дух сидел.

– Тебя я ждал.

– Откуда голос?

– Я та стихия силы той, что власть имеет над водой.

– И что хотел?

– Покамест заняты все были, то над землей ни зги не видно, то раз – огонь разбушевался, затем меня волнение застало. Всему виною Ветерок. Его-то и спросил, к чему спокойствие нарушил зря.

– Тому виною я, не он.

– Вот-вот. Помочь немногим я могу, хотя внимательно послушай: за той немислимой чертою, где изумрудами сверкают небеса, где до сих пор хранит всё образ первозданный,

быть может, там есть то, что нужно.

– Так мне на север? Что ж, спасибо.

– Туда ты путь отыщешь свой по быстрому течению моему.

Среди буранов и морозов, условиям тяжёлым вопреки, сюда нога ступала человека. Бродил от краю и до краю дух, намёк какой-нибудь ища для истины своей. У скал витийствовало море, а на скале осматривалось Время. Как заприметило оно огромный камень, так вспомнило слова от Ветерка.

– Ответь мне, Камень.

– Чего желаешь ты услышать?

– Скажи мне то, о чём не ведаёт никто.

– Гм... Я – камень.

– И большего не можешь?

– Так и спроси.

– Не рад ли ты такому миру?

– Что этот мир, не вздор ли всё? Что до забот – мне нет и дела.

– О неотёсанный мой друг! Раз ты здесь есть, то остальное всё не зря?

– Гм... Не зря. Но как сказать? Здесь мой отец стоял, мой дед стоял и прадед. Я много лет смотрел на жизнь, а жизни нет. Ответь же ты теперь и мне: раз всё – равно, к чему стремиться?

Неожиданно для себя Время нашло ответ:

– Жизнь мала ради своего величия.

– Как если б мог я это знать, изменится ли что?

Время засмеялось и устремилось куда-то в неизвестность...

Вот синева, окутавшая пеленою высь и даль. Вот и заря всходила с краю одного, а на другом ложилась, цветами ма-ка насыщая луч, кому приветственный, кому прощальный. Вот полюса, во льды сковавшие себя и вечным холодом поивших тишину. Одну лишь безмятежность прерывала жизнь, что здесь вокруг, свирепствуя, кипела.

Камень раскололся.

...И жизнь он новую познал и дух его свободным стал...